

▶ **ПОЭЗИЯ ДУШИ** | Художник Владислав Аристов представляет цикл графических работ

К Пушкину – с Лермонтовым

АЛЛА КАНЬШИНА

Владислав Аристов (на фото) ведёт отсчёт отношений с Лермонтовым с детства. Барачное, босоное, как у всех его магнитогорских ровесников, оно однажды наметнуло ему на тайны мироздания, предъявив во время мальчишеской игры дальние-дальние дали с неровной линией горизонта за крышами стаяк. Так впервые ему, маленькому горожанину, в военном сорок втором открылся пейзаж с вековыми Уральским хребтом.

А через несколько лет не давшая покоя картина недостижимой загородной красоты нашла словесное воплощение: в школе читали гётевское «Горные вершины» в лермонтовском переводе. Такое не забудешь: поэт словно угадал мальчишеский восторг перед величием природы. С тех пор Владислав Аристов, уже искавший себя в рисунке, не раз возвращался к лермонтовским мотивам.

– Гордись! – утешали восьмиклассника Аристов, когда его рисунок «Печорин спускается в Койшурскую долину» украсили с городской выставки творчество школьников.

А ведь он тогда Кавказа ещё не видел. Побывал там лишь после окончания института, уже окончательно влюбившись в поэзию Лермонтова и погрузившись в мелодию «Измаил-Бей». Пятигорск, Тбилиси, Дарьяльское ущелье – Владислав Аристов все отпуска посвящал изучению Кавказа: природы, архитектуры, национального характера. Да ещё знатоки подсказали: если хочешь всё знать о быте, традициях, истории этих мест – ищи их в Ленинградском музее восточных культур. Художник пропал в музее целыми днями, рассматривая одежду, обмундирование и утварь, фотографии древних селений, портреты горцев. Результатом этой исследовательской работы стали иллюстрации к «Измаил-Бею». Легендарный руководитель изостудии ММК, в которой занимался Владислав Аристов, Владимир Павлов отправил графику художника на выставку в Москву, и государственный лермонтовский музей-усадьба Тарханы запросил их для своей экспозиции. Завязалась переписка с музеем, результатом которой стала долгая дружба и посещение музейных уголков, обычно закрытых для туристов. Владиславу Николаевичу,

например, удалось побывать у саркофага с прахом поэта.

Правда, с такими «личными» визитами надо быть осторожным, признаётся магнитогорский график. Однажды, взобравшись на гору Усть-Джегута, где происходит часть действий «Измаил-Бей», он чувствовал рядом словно бы присутствие человека с ироничным взглядом. Было не по себе, пришлось ретироваться. И – признать: каким бы любимым и изученным ни был поэт, он не принадлежит тебе. Но от споров о роли Лермонтова в культурном пространстве страны художник не отказался. Бывало, до хрипоты убеждали друг друга с товарищем, чувашским художником Валерием Маковым – поклонником творчества Пушкина,

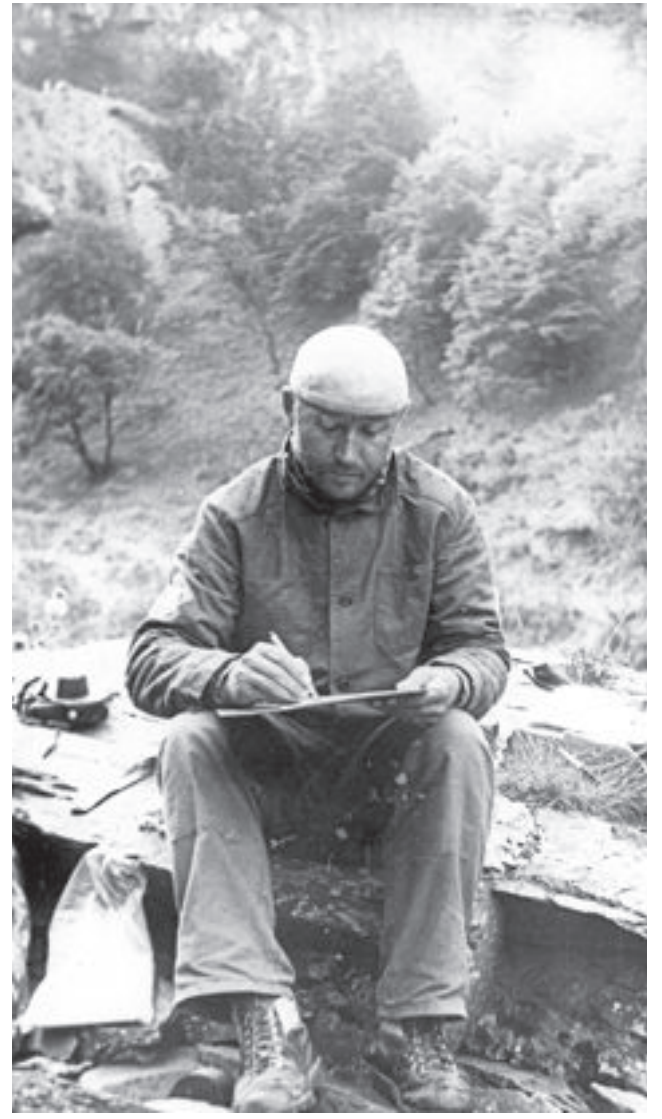
кто из двух поэтов самый-самый. Это не отрицание одного из двух столпов – это попытка проникнуть в тайну творчества, постичь духовную напряжённость, на которую человек обречён по рождению и которая столетиями оставляет современным творчество Лермонтова.

– В прошлом году поехал по пушкинским местам, – вспоминает Владислав Аристов. – Лермонтов был со мной. Вернувшись, художник на-

писал «Последнее письмо другу», пытаясь выстроить свою версию встречи двух поэтов-современников, которые по устоявшемуся, научно обоснованному мнению, никогда не встречались. Но ведь судьба могла дать им шанс, просто слегка сместив временные рамки жизни: у них много общего в деталях биографии, связанных с театром, карточной игрой, балами. И – сходство в завершении судьбы.

Творчество Лермонтова для Владислава Аристов – плавильный котёл, где перемешались боль одиночества, дух бунтарства, душа гор, раздумья о смысле бытия, несбыточные надежды и вечное противоречие: поэты и их убийцы. Тот же плавильный процесс, размышляет художник, сегодня перемешал образы и действия современников, ежедневно мелькающие в новостях: патриарх, президент, война на Украине, повседневность, производство...

Новый цикл графических работ художника, путешественника, журналиста, поэта и прозаика, заслуженного деятеля культуры РСФСР Владислава Аристов создан к двухсотлетию Лермонтова, которое страна будет отмечать в октябре. Есть что-то мистическое в том, что эта дата в 2014 году соседствует с семисотлетием Сергея Радонежского: сблизилась образы святого, подвижника и – певца Демона... ☺

▶ **ЭТЮДЫ К 200-ЛЕТИЮ М. Ю. Л.**

Что есть гора?

ВЛАДИСЛАВ АРИСТОВ,
заслуженный деятель
культуры РСФСР

**И слышится
начало песни –
но напрасно! –
Никто конца её
не допойт!..**

М. Ю. Лермонтов

Замечаю: люди всё реже смотрят на небо, а если и смотрят, то из сугубо земной заботы – сверяют погоду с её прогнозом. А между тем небо остаётся той неисчезающей сферой бытия, в которую устремлены наши сокровенные упования, ибо в землю погробают наш прах.

Но и сама земля уповает на небо, и нагляднее всего это проявляется при взгляде на гору и небо над ней. О, этот якобы случайный, но полный всё того же неизъясимого упования взгляд! В нём немедленно оголяется высота мира сего и распаивается его протяжённость в бесконечном.

Что есть гора? Глыба земной тверди, в борении своём одолевшая небо, отгеснившая его к дальним горизонтам, и наш взгляд, увлекаемый сим противоборством, опережает наше сознание ровно на духовный рывок к горе; и там, где вершина упирается в облако, сознание настаивает взгляд и обретает образ мироустройства, который и остаётся побыстрее запечатлеть.

В этот день небо над горой громоздилось крупными, тяжёлыми облаками. Они медленно наползали с северо-запада и, не в силах преодолеть гору, наваливались на неё, образуя затор в небесном окоёме – столь высокой и обширной

была гора. Крупные склоны её веером ниспадали от вершинных скал, выявляя в горе некий зодческий замысел сил, воздвигнувших гору, – так выверено-ритмичными выглядели её скаты – гора напоминала гигантский каменный цветок, опрокинутый навзничь по прихоти создателя. И что-то она скрывала в своём чреве, оттого и, казалось, льнули к ней неприкаянные облака – тучи,

оттого терялись в её обширности непокидающие её птицы, оттого тянулся к ней редкий ныне тип путника – странник, и совсем особый тип в странничестве – странник горный – горотоп. И в этом особом типе следует выделить опять же особый вид – горотоп романтический, вовлечённый в горное притяжение через некий образ горного предстояния, через сокровенное слово о горах.

Обитель Творца мира сего

Лермонтовское горопритяжение развивается от камерного шедевра «Ночевала тучка золотая на груди утёса-великана» до планетарно-серафической панорамы: «Аллах ли там среди пустыни/ Застывших волн воздвиг твердьныи./ Притоны ангелам своим...» – это вертикаль... Горизонталь же протянута от первого «горного» стиха «Черкешенка», написанного пятнадцатилетним отроком, до «Креста на скале», из предсмертного цикла; от юношеской ностальгии по ранним детским впечатлениям с рефреном «Люблю я Кавказ» к отрешённо-безучастному; «Там за твердьней старою/ На сумрачной горе/

под свежою чинарою/ Лежу я на ковре.» Всего девятнадцать стихотворений и семь поэм прописано-приписаны к горам.

Среди них восторженно-обличительное: «Что на земле прекрасней пирамид/ Природы, этих гордых снежных гор?! Не переменит их надменный вид/ Ничто: ни слова царств, ни их позор...» в стихотворении «1831-го июня 11 дня»; трансцендентно-парадоксальное: «...кто раз лишь на вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, / хотя в то мгновение гордился он ею!...» из стихотворения в прозе «Синие горы Кавказа, приветствую вас!»; алмазно-нежное «Горные вершины спят во тьме ночной» в дивном переводе из Гёте; фатально-провидческое «И мрачных гор зубчатые хребты... / И вокруг твоей могилы неизвестной. / Всё, чем при жизни радовался ты, / Судьба соединила так чудесно...» из трагической «Памяти А. И. Одоевского». Так из «горных» стихотворений, если собрать их в один строй, образуется горный хребет с космически сияющими вершинами и с той же космической мглой в пропастях и трещинах... И поэт каждый раз, покинув поданно-преклонённый Север, предаётся таинству горного странничества, растворяя свою любовь к «синей цепи гор» в созерцании чистой подлинно-престольной высоты и безумно-звёздного ночного неба, вскрывающего бесконечность как обитель Творца мира сего.

Но ещё явственнее и величественнее развёрнуто горное наполнение в «кавказских» поэмах, таких как «Измаил-Бей», «Аул Бастунджи», «Демон», «Мцыри» и в «Герое нашего времени». Полная смиренного изумления строка из «Демона»: «И дик и чуден был вокруг весь божий мир...» смыкает плену равнинного привыкания к миру окрест, смыкает и пробуждает в душе восприимчивого читателя волнительное предчувствие возвышения и свободного блуждания в горном пространстве, беремонном волей рока и драматической, бескомпромиссной борьбой с ним.

На пути к Кинжалу

Юноша, сразившийся с горным барсом и обретающий смертную свободу в монастырской

келье, и «печальный» изгнанник из горного царства, терзаемый пустынным бессмертием и умертвляющий земную страсть, – вот два предела трагической судьбы, между которыми свершаются и кровоточат судьбы героического Измаил-Бей, «несчастного» Акбулата, удалого горца Хаджи-Абрека, «младой» черкешенки, полюбившей русского пленника, мстительного Аджи и его жертвы – муллы.

И противостояние, и противоборство персонажей в «Герое нашего времени», возникающее на фоне дивного горного окаймления, также обретают особую трагическую окраску – Лермонтов своим торжествующим взором, подобно Демону, пролетающему над Кавказом, печально сличает страдания человека с безупречным величием горного и горного царств.

Поэтом, а попутно незаурядным художником, написана картина «Вид на гору Кинжал». На заре своего горотопства, пребывая отпусником в Кисловодске, меня вдруг осенило: гора Кинжал находится в удалении от Кисловодска как наш Караташ от Магнитогорска, – можно без особого напряжения дотопать за сутки; и я, наскоро собравшись, ранним утром отправился к Кинжалу. В полдень я добрался и спустился в ущелье Малки – горного потока, мчащегося со скоростью пригородной электрички от Эльбруса в пойму Терека. В ущелье же вскоре сам себя загнол в переплёт отвесных скал и бешеной воды; но к горе подобраться все-таки сумел; и когда увидел её, зависающей тупым кинжалом над моей головой в густоющем небесном мраке, струхнул и забился на ночь в расщелину, сотворил из древесной мелочи хиленький костёрчик и просидел возле него до рассвета, вслушиваясь в грохот воды и внимая полоске чёрного неба, казалось, издырявленного горящими звёздами. Я почувствовал себя безмятным персонажем, нечаянно перебравшимся из лермонтовской поэмы в этот горный чертог. Но своей судьбы я ещё не распознавал...

Продолжение следует.

▶ **Лермонтовское горопритяжение развивается от камерного шедевра «Ночевала тучка золотая на груди утёса-великана»**